

ИЗДАНИЯ ТЕКСТОВ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ.

Обзор Д. Якубовича

В дореволюционное время проза Пушкина была всегда на положении пасынка. Поэт Пушкин настолько затмил в сознании современников и потомков писателя вообще, что о художественной прозе его высказывались мало. На это были свои причины. Первая из них заключается в той огромной роли, которую суждено было сыграть в русской литературе и культуре именно Пушкину - поэту. Были и другие причины. Пушкин-прозаик, т. е. складывающийся Пушкин 30-х годов, не мог еще быть осознан современниками. В сущности говоря, они знали две главы из «Арапа Петра Великого», под псевдонимом появившиеся «Повести Белкина», встреченные без энтузиазма, «Пиковую даму» и «Капитанскую дочку».

Гипноз беглых оценок Белинского долго тяготел над сознанием читателей, будучи противопоставлен его же статьям, посвященным канонизированию Пушкина-поэта. «Дубровский» как запоздалая находка из пушкинского портфеля появился лишь в 1841 г. Вся огромная лабораторная работа Пушкина-прозаика, прерванная его смертью, надолго осталась вовсе скрытой от русского общества. А слава Пушкина-поэта осознавалась по-новому каждым из новых поколений критиков, исследователей, читателей, канонизировалась вплоть до школьного штампа.

Если взять любое из старых высказываний о текстах пушкинской прозы, оно поражает своим несоответствием материалу. Этот гипноз представлений о Пушкине как исключительно классике стиха сказался даже на специалистах-пушкиноведах, которые, казалось бы, были обязаны знать и пушкинскую прозу. Возьмем наудачу несколько высказываний этого рода. В. Е. Якушкин, делавший первое (и до недавнего времени остававшееся единственным, а в большей части так и не замененное) их описание, бывшее на уровне научного критицизма и текстологических представлений своей эпохи, писал в 1884 г.¹: «При сравнении посмертного печатного прозаического текста с рукописями, встречаешься с затруднением: поправки и пропуски к стихам сообщить гораздо легче, да эти поправки важнее (?) и интереснее (?) сами по себе, от искажения одного слова часто нарушена гармония всей картины; другое дело проза; с одной стороны, для указания поправки одного слова приходится выписывать длинную фразу, с другой—длинный перечень подобных ошибок представил бы материал слишком сухой. Поэтому, сделав общую оговорку, что посмертная проза Пушкина издана чуть ли еще не хуже посмертных стихов, я ограничусь указанием только главнейших поправок и пропусков, оставляя в стороне более мелкие ошибки и пропуски двух-трех слов».

В 1905 г. редактор сочинений Пушкина П. А. Ефремов, комментируя прозу², писал: «Для произведений в прозе мы ограничимся указанием только более или менее обширных отрывков, отличающихся в рукописи от напечатанного текста или же вовсе не вошедших в него и вычеркнутых автором, что же касается до мелких изменений в отдельных словах и фразах, то приводить их мы не будем, потому что они интересны исключительно как работа автора над исправлением слога, с которой читатели уже ознакомились в примечаниях к стихотворным произведениям».

Эта беспомощность, этот субъективизм оценок и утверждение примата стихов при априорном установлении тождества стилистической манеры Пушкина—прозаика и поэта—чрезвычайно характерны. Проза была не интересна. Надо полагать, что и социальная направленность черновых и печатных материалов пушкинской прозы была глубоко чужда этим редакторам поэта и оттого легко нивелировалась, стусывывалась, в лучшем случае не была «интересной».

Эта точка зрения длительно сказывалась не только на текстологической бесприщипности, возведенной в принцип, но также и на отсутствии исследовательской любознательности к прозе и на ряде ошибочных умозаключений о ней. Если к прозе обращались, то главным образом для патристического канонизирования Пушкина— исторического романиста (Черняев), выравнивая его в одну линию с Загоскиным и Лажечниковым, тщательно обходя огромную социальную зарядку именно его прозы. Именно этот псевдонаучный фон и этот уровень делали возможными и априорно догматические выводы не-специалистов, писавших о Пушкине; например грубо ошибочные заключения Г. В. Плеханова: «Трудящаяся масса, крепостное крестьянство не существовало для Пушкина как для писателя. При Пушкине о ней не было и не могло быть речи в литературе»³. «История села Горюхина», «Дубровский», «Капитанская дочка» очевидно психологически сбрасывались со счетов. Цеховая наука не учитывала их, исследователи, стоявшие вне её, забывали их. Насколько эти произведения сбрасывались со счетов даже теми, кому о них знать надлежало, явствует хотя бы из той мимолетной, но грубейшей ошибки, с которой и позже, в 1910 г., В. Я. Брюсов начал свою статью «Неоконченные повести из русской жизни» словами: «Пушкин при жизни напечатал... «Историю села Горюхина»... «Дубровского»».

Характерно, что эти строки остались без изменения и без исправлений в примечаниях даже и в послереволюционном (посмертном) издании статьи В. Я. Брюсова⁴.

Послереволюционная эпоха, выдвинув интерес к прозаическим жанрам как жанрам эстетически и научно равноправным со стихами, в корне порвала и со старым взглядом на пушкинскую прозу. Последняя стала наконец закономерным объектом изучения как в текстологическом, так и в собственно литературном плане. Интерес к Пушкину-прозаику стал явлением обычным, отразив на себе все важнейшие научные концепции и методы, став предметом изучений всех школ и группировок. Большую работу, работу застрельщиков, выполнили в этой области формалисты. Обследуют прозу как жанр, именно они вовлекли, помимо своего желания, в обиход литературоведения и пристальное внимание к социально насыщенному содержанию пушкинской прозаической формы. Смежные с формалистами группы и литературоведческие прослойки пошли по этим путям. Во весь рост проблема пушкинской прозы стала и перед марксистской литературоведческой наукой...

Обращаемся к рассмотрению того пути, которым шла работа над прозаическими (художественными) текстами Пушкина как части всей работы над Пушкиным за революционные годы.

Перед редактурой стояли задачи пересмотра всего прозаического пушкинского наследия путем обращения непосредственно к первоисточникам, путем изучения рукописей самого Пушкина или, за их отсутствием, изучения тех изданий, на которых лежала его санкция. Революция шаг за шагом раскрывала перед исследователем двери архивов, уничтожала препятствия, в прежнее время мешавшие не цеховым ученым работе над драгоценными рукописями. Старые собрания автографов из мертвого фонда, ревниво охраняемого и бывшего почти собственностью кадровых специалистов, представителей «академической» науки, постепенно становились подлинно общественным достоянием. Притекали новые приобретения и вовлекались в живую работу. То, что было некогда личными собраниями президента Академии Наук—К. Р., фамильною тайною титулованных Юсуповых и Горчаковых, или любителей-коллекционеров типа А. Ф. Онегина, с антикварской бесцеремонностью рассыпавшегося на пушкинских автографах,—попало в поле зрения ученых. Шкафы и сейфы, хранящие уникальные манускрипты Пушкина, стали распахиваться все больше, тревожиться все чаще новыми, тоже бережно-осторожными, но настойчивыми руками. Исследователь проник в «святилище». Можно только жалеть, что этими открывшимися возможностями широкой и столь часто плодотворной работы (ибо всякое обращение к рукописи обновляет мысль исследователя) пользовались пока еще столь незначительные кадры новых специалистов, что некоторое временное сублимирование литературоведческих интересов не привлекло еще достаточного количества вдумчивых молодых работников на этот расширенный революцией, обещающий и ответственный участок.

Раскрывая и подытоживая общую картину работ над пушкинской прозой, мне придется в дальнейшем останавливаться почти исключительно не на широких обобщениях, а на частностях, порою может быть производящих впечатление мелочности и излишней кропотливости. Однако это неизбежно, так как только на большом количестве конкретного материала и частных примеров можно с убедительностью показать новое качество работы над текстами определенного раздела.

Уже в 1919 г. начала выходить «Народная библиотека» Гиза, в основу всех своих изданий положившая принцип тщательной проверки текстов Пушкина по автографам и прижизненным изданиям. Несмотря на установку серии на популярность, именно ей суждено было впервые дать эти элементарные завоевания, пустив в массы, в школу в значительных по тиражу брошюрах проверенные специальными пушкинскими тексты. Под редакцией С. М. Бонди и А. Л. Слонимского вышли: «Станционный смотритель», «Гробовщик», «Выстрел», «Мятезь» и «Капитанская дочка»⁵. В этих изданиях был использован преимущественно текст прижизненных изданий; с р у к о п и с я м и прозы редакторы для них почти не должны были иметь дела, и таким образом издания требовали лишь сугубо внимательной проверки печатных текстов. Исправлены были например многочисленныя опечатки издания повестей 1834 г.⁶ Остались неисправленными в издании «Народной библиотеки» лишь незначительные неточности⁷. Необходимость дробить повести по отдельным брошюрам заставила разрушить дорогой для самого Пушкина принцип—прием циклизации. «Повести покойного Ивана Петровича Белкина» как таковые исчезли, исчезло и предисловие «От издателя», и заглавие, и эпиграфы ко всем повестям, и подпись. Стилистическая телеология Пушкина в этих изданиях несомненно несколько пострадала. Но ими выдвинут был наконец принцип к о л л е к т и в н о й работы исследователей-текстологов, дающий возможность взаимному чередующемуся контролю и повышающий степень критического осознания текста уже в самих требующих изощреннейшего внимания процессах с ч и т к и печатного текста с первотекстом или рукописями, в ы в е р к и его в корректурах, где даже самый внимательный специалист, работая о д и н, рискует пропустить отдельные искажения и опечатки.

Идея «документального» издания прозы осуществлялась далее в изданиях Гиза под редакцией Б. Томашевского и К. Халабаева («Дубровский»⁸, «Повести Белкина»). Критическое воспроизведение первоисточника⁹ и здесь дало ряд ценнейших результатов. Наконец решительно было порвано с традицией механического «перепечатывания» прозы Пушкина со старых изданий, было скомпрометирировано представление о якобы всегда имеющемся канонически-стереотипном тексте. Особо интересен заново выверенный редакторами п о ч е р н о в ы м рукописем «Дубровский», представляющий одну из наиболее трудных для редактора и неизученных во всем объеме пушкинских черновых вещей. К сожалению издание лишено всякого комментария. Частичная мотивировка выбора текста дана одним из редакторов отдельно в статье, впервые обрисовавшей перед русским читателем исключительные трудности прочтения и издания рукописи «Дубровского»¹⁰.

Установка редакции—дать белой, «читабельный» текст «Дубровского», поскольку он может быть извлечен из рукописи, представляющей собою черновую первой стадии, избилующую как композиционными, так и текстовыми вариантами без указания, на каких из них остановился сам автор, словом, из рукописи, носящей на себе все признаки произведения, не подвергавшегося окончательной шлифовке.

Редакторы несомненно поступили правильно, давая для популярного издания нивелированный текст. Так колебания Пушкина, наблюдающиеся на протяжении всей рукописи в собственных именах (например: Дубровский—Зубровский, Марья Кирилловна—Наталья Гавриловна, Дефорж—Русло и др.), выправлены, унифицированы; правильно нивелирована и пушкинская орфография. Это бесспорно. В сущности говоря, и все старые издания такую нивелировку давно проделывали. Но теперешний текст—уже не прежний текст! Впервые бережно воспроизведено огромное количество оттенков живой пушкинской фонетики и особенностей речи героев, что возвращает всей повести совершенно особый драгоценный эстетический колорит, возвращает нас к п о д л и н н о м у языку Пушкина вместо языка его издателей¹¹. Огромное количество слов, неверно читавшихся редакторами дореволюционных изданий, восстановлено в пушкинской форме. Из этих мелочей складывается подлинный пушкинский текст. Придавая этому обстоятельству весьма важное значение, считаем не лишним обратить на эти «мелочи» внимание. Впервые прочтено: «з а г р е м е л» вместо «закричал»; «досада его г р о м к о изливалась» вместо «изливалась»; «к а к и м н и е с т ь о б р а з о м» вместо «каким-нибудь».

В старых изданиях (например у Морозова или в несколько подправленном издании Венгерова) печаталось: «Андрей Гаврилович рассмотрев хладнокровно сделанный ему запрос увидел» вместо пушкинского: «Андрей Гаврилович рассмотрев хладнокровно з а п р о с ы з а с е д а н и я, увидел»; печаталось: «задуманный» вм. «з а т е я н н ы й»; «вкось» вместо «п р я м»; «тотчас отправился» вм. «т о т ж е д е н ь отправился»; «неосторожен» вм. «р а с т о ч и т е л е н»; «осмелюсь» вм. «р е ш и л а с ь»; «мимо сада» вм. «м и м о с е л а»; «запахавшись» вм. «з а д ы х а я с ь»; «мрачные»

вм. «с т р а н н ы е»; «побужденный гневом» вм. «д в и ж и м ы й з л о б о й»; «рассыпался намеками» вм. «в н а с м е ш к а х»; «с письмом» вм. «с д е н ь г а м и»; «сильный свист» вм. «л е г к и й свист»; «арестовать» вм. «с х в а т и т ь»; «трусу и мужику» вм. «т р у с у и л г у н у»; «предложил» вм. «п р е д п о ч е л»; «исправники злодеи с ворами» вм. «з а о д н о с в о р а м и»; «полились фонтанами» вм. «п а л ь м а м и, фонтанами»; «сельская ночь» вм. «и ю л ь с к а я н о ч ь»; «не шуми ты, мать, зеленая дубровушка» вм. «н е ш у м и, м а т и, зеленая дубровушка».

Большое количество слов вовсе пропускалось в старых изданиях («но прежде нежели приступим к описанию с е г о т о р ж е с т в а и дальнейших происшествий»; «с в о и а т т е с т а т ы»; «и д о к р о в и оцарапанной рукою»). Все подчеркнутые слова восстановлены впервые.

Издание «Дубровского» 1923 г. впервые дает, согласно рукописи, также и новую композицию отдельных мест, и иное деление на главы, чем в прежних изданиях. Так исправлены произвольная локализация главы второй, начала 13-й главы; главы 14-я и 15-я. Вместе с тем дано, в соответствии с автографом, и большое количество перестановок внутри фраз.

Желание придать черновой повести Пушкина законченную «читабельность» повлекло однако к тому, что вовсе вне поля зрения читателей оказались многочисленные и представляющие порою громадный интерес варианты, из которых к тому же многие быть может зачеркнуты Пушкиным лишь в связи с цензурными опасениями.

Если Морозов просто неразборчиво включал некоторые из подобных мест в основной текст (например вначале повести пассаж о крепостном гареме Троекурова, место об отношении к нему крепостных или несколько далее в той же первой главе место, начинающееся словами: «Будучи ровесниками»), если в издании Венгерова те же места включались в текст в простых (можно было подумать пушкинских) скобках, то издание Томашевского-Халабаева, ориентируясь на популярность, вовсе опустило их, словно этих мест и не было.

Совсем пропал для читателя и эпизод, имеющий большой интерес для понимания социологии пушкинского творчества, дающий черты для социального расслоения героев («Славный 1762 год разлучил их надолго. Троекуров, родственник княгини Дашковой, пошел в гору, Дубровский...» и т. д.). Очевидно и в популярном издании в той или иной форме (в примечаниях под текстом, в редакторских скобках или в отделе вариантов, в приложениях) сложный вопрос о вариантах (даже и зачеркнутых Пушкиным) как-то должен был быть поставлен¹². Но редактора в данном случае пошла по линии наименьшего сопротивления, невольно навязывая читателю (и в этом отношении продолжая традицию) представление об объективно существующем чистовом тексте, лишенном авторских сомнений¹³. Для «Дубровского» такое решение особенно ошибочно. Это тем более бросается в глаза, что одним из существенных достижений этого издания является высокоценный отдел приложений, в п е р в ы е в издании 1923 г. давший всю совокупность черновых планов «Дубровского», с указанием места хранения или первоначальной публикации каждого из них. Здесь же впервые опубликован ряд планов (№№ 3, 4, 5) из так называемого Майковского собрания, отражающих разновременные этапы работ Пушкина над повестью. Точнее может быть видеть в них программы, планы и оглавления. №№ 4 и 5 кроме известного содержания повести дали впервые и планировку т р е т ь е г о (не написанного или не дошедшего до нас, но несомненно уже продуманного) тома повести. Она должна была развиваться в Москве, смыкаясь с другими пушкинскими замыслами в области неудавшегося ему светского городского романа (Марья Кирилловна-вдова и Дубровский, после доноса на него слуги, подозреваемый полицмейстером). Эти планы—одно из интереснейших приобретений пушкинских прозаических текстов¹⁴. Даты Пушкина под отдельными главами «Дубровского» даны в этом издании также в препарированном виде (в приложении, а не в самом тексте, как в прежних изданиях). Подлинное судебное дело введено во 2-ю главу повести (как это делал и Венгеров), при чем начатая на нем Пушкиным правка собственных имен приведена к единству и даты «дела» во избежание хронологических противоречий с текстом романа заменены точками¹⁵. Дальнейшая работа над «Дубровским» велась и позже, о чем будет сказано ниже.

Текст «Дубровского», данный Томашевским-Халабаевым как бесспорно лучший, единственный текст, лег в основу всех изданий повести последних лет, но сплошь и рядом без указаний на то, кем текст выверен. Механически воспроизведен он (впрочем без деления на тома и без приложений) и в массовом издании «Крестьянской газет»¹⁶, с анонимными безответственно-безграмотными примечаниями издательства («Повесть написана о к о л о ста лет тому назад»; Радклиф умерла «п р и -

мерно сто лет тому назад»; «Конрад—один из средневековых германских императоров. Жил примерно с тысячу лет тому назад». Кстати Пушкин имеет в виду «примерно» совсем другого героя—Конрада Валленрода Мицкевича!). Тот же текст «Дубровского» дан и в школьной серии «Дешевой библиотеки классиков»¹⁷, с приложением словаря непонятных слов и попыткой социологической интерпретации повести, сделанной в предисловии И. В. Сергиевским¹⁸.

Тот же текст с безымянными примечаниями и предисловием выпущен и Государственным издательством в 1931 г.¹⁹ В подобных изданиях, где текст не является простой перепечаткой прижизненных пушкинских изданий, необходимы ссылки на редакторов текста. Это следует иметь в виду издательствам, тем более, что они присоединяют к тексту собственные примечания, за которые редакторы текстов ни в коей мере не являются ответственными.

Попутно остановимся на двух отрицательных популярных изданиях других вещей Пушкина.

Совершенно возмутительный образчик варварского обращения с пушкинским текстом представляет собою появившаяся в Государственном издательстве брошюра «Станционный смотритель»²⁰. Кто «приготавлиал» текст—не указано. Пушкинскую повесть переделали, обкарнали, делали в нее вставки, выпускали то, что не нравилось. Придан подзаголовок «Рассказ из времен 1810—1820 годов», несмотря на то, что самим Пушкиным точно указана дата «в 1816 году, в мае месяце». Эпиграф выброшен, первые две страницы повести отброшены и дальше начинается абсолютный произвол; почти каждая пушкинская фраза уродуется, сочиняются собственные фразы, конец повести (смерть смотрителя) выброшен. Самый образ героя совершенно изменен. В свое время наши газеты отмечали эту вредную халтуру, изданную тиражом в 50 000 экз. в качестве «массового» издания. Неудачным следует признать и издание «Капитанской дочки» под анонимной редакцией в серии «Избранные произведения русских классиков»²¹. Небрежное обращение с пушкинским текстом явствует хотя бы из того, что одни и те же фразы перепечатаны здесь дважды (стр. 130—131 и 142), что дата Пушкина под концом романа оказалась вставленной в виде эпиграфа в «дополнение к главе XIII». Ни одного исправления в текст не внесено. Текст представляет собою некритическое и неоговоренное воспроизведение приготовленных другими редакторами текстов.

В 1922 г. первым изданием и в 1923 г. вторым были опубликованы тексты из так называемого собрания А. Ф. Онегина в сборнике «Неизданный Пушкин», «Атенеи», 1922 (комментарии к прозе М. Гофмана, Б. Коплана, Н. Измайлова, Б. Энгельгардта).

По интересующему нас разделу здесь было опубликовано девять новых номеров. Все это—черновые наброски, свидетельства предварительных работ Пушкина над повестью и романом. Начало VII главы «Арапа Петра Великого», известное ранее только как описательный фрагмент, пополнено здесь несколькими сюжетно-новыми, приоткрывающими дальнейший замысел чертами (к шведу—танцевистеру Густаву Адамовичу—является «красивый молодой человек» «в мундире»—Валериян) и началом диалога. В компановке текста и чтении отдельных выражений комментатором допущены ошибки²².

Быть может в связи с тем же романом находится и черновой набросок, начинающийся словами: «Часто думал я об этом ужасном семейственном романе» (бумага без водяного знака, жандармская помета «23»).

Интересен один из ранних черновиков предисловия к «Повестям Белкина» (попытка еще раз усложнить композиционную схему новым отводом авторства). Отрывок любопытен замечаниями об оброке и барщине, по тону перекликающимися с «Историей села Горюхина» и «Евгением Онегиным» («крестьяне перестали думать о барщине»... и «благословили барина своего»).

Ср. «Ярем он барщины старинной
Оброком легким заменил...
...И раб судьбу благословил».

Примечательно то, что на том же листке—наброски из «Онегина». К сожалению комментатор вовсе обошел этот круг вопросов, и черновик «Предисловия» остался выпавшим из научного изучения.

Столь же интересен и появившийся в книге впервые проект предисловия к «Капитанской дочке» (обращение П. А. Гринева к своему внуку, дающее любопытные новые штрихи) с прекрасным воспроизведением факсимиле начала и с важной и точной датировкой самого Пушкина (5 августа 1833 Черная речка)²³.

Следующими новинками «Неизданного Пушкина» явились едва начатый разработкой набросок конспекта «Сцен из рыцарских времен» и план «Un grand seigneur» с датой «14 Сентября», с неуясненным до сих пор замыслом.

Особо интересен как образец работы над «светским» романом и по ряду социальных характеристик первоначальный набросок (пером и карандашом, со многими слоями текста), начинающийся словами «В Коломне на углу». Многие слова, поддающиеся прочтению, однако комментатором были или вовсе не прочтены, или прочтены неверно²⁴.

Наконец «программа повести» («Москва в 1811 году...»), с нераскрытым в комментарии героем «В. Б.», дала новый замысел Пушкина. Это—как позже доказано Ю. Г. Оксманом²⁵ и подтверждено В. Н. Писной²⁶—замысел о «Влюбленном бесе», связанный с фабулой «Уединенного домика на Васильевском». Таким образом данная публикация ценна как одна из немногих, раскрывающих смысл таинственного пушкинского списка («Ромул и Рем, Иисус, Павел I, Берольд Савойский, Влюбленный бес»). Если, как можно полагать, весь этот «реэстр» имел в виду драматические замыслы, то видимо справедливо замечание В. Писной, что «Влюбленный бес» был также первоначально задуман в драматической форме и, собственно говоря, не должен быть относим к художественной прозе²⁷.

В повторном издании 1923 г. в примечании добавлен еще черновой отрывок из «Путешествия в Арзрум».

В 1924 г. вышел «юбилейный» однотомник Пушкина, уже завоевавший себе прочную положительную репутацию редактурой²⁸. Эта книга фактически явилась единственным за все 15 лет опытом издания цельного Пушкина, в то же время «избранного» по своему заданию (опубликованное самим автором). Однотомник занял свое место в советской школе, и к 1930 г. понадобилось уже шестое издание. Проза однотомника была дана на основании опыта отдельных изданий—брошюр Гиза. Очень скоро редакторам пришлось, уступая необходимости здоровых запросов школы, вразрез со своим эдичионным принципом, пополнить отдел прозы рядом произведений, увидевших свет также после смерти Пушкина (вновь выверенный текст «Дубровского», «История села Горюхина», весь «Арап Петра Великого», «Египетские ночи», так называемая «Пропущенная глава» «Капитанской дочки»).

Центральный интерес среди прозы данного издания представляет новая композиция последовательности частей «Истории села Горюхина»²⁹. Б. В. Томашевский обнаружил, что традиционная последовательность фрагментов «Горюхина» предопределена случайностью: их неправильно сложили жандармы во время посмертной описи пушкинских бумаг и так рукопись и была сшита. «Таким образом,—по замечанию Томашевского,—отрывки «Баснословные времена» и «Этнографическое описание» поменялись местами. Последнее перестало быть введением, попав в самое историческое изложение. Так путем жандармской регистрации определилась композиция пушкинского произведения». Новое распределение материала, помимо аргументов «палеографического» характера, вполне соответствует и последовательности, указываемой устами Белкина самим Пушкиным («познакомив таким образом моего читателя с этнографическим и статистическим состоянием Горюхина и его нравами и обычаями его обитателей, приступим теперь к самому повествованию»).

В самом начале «Горюхина» восстановлен кроме того целый большой абзац, начинающийся словами: «Я родился от честных и благородных родителей», рисующий воспитание Белкина. Сделаны также отдельные лексические уточнения: «затыгивал г у ж и» (раньше читалось «возжи»); «человек м о й пошел было» (раньше: «человек пошел было»); «мужчины ж е н и л и с ь» вм. «женятся»; во вводном стихотворении имя «Антон» (раньше—«Аким») и «старостиху н а д а р и л» вм. «подарил»; «наподобие б у к в ы х ера» вм. «наподобие хера»; упразднены в издании некоторые заголовки, примысленные прежними редакторами, дана иная последовательность и внутри отдельных отрывков (см. «Правление Приказчика»).

Таким образом благодаря тщательному и талантливому анализу рукописи «История села Горюхина» впервые явилась советскому читателю в подлинном своем виде³⁰.

Кое-что спорным можно считать в однотомнике в тексте «Арапа Петра Великого». Специфичность этой вещи заключается в том, что она частично в разное время печаталась и перепечатывалась самим Пушкиным, частично осталась в рукописях. Первоначально в «Северных Цветах на 1829 год» Пушкиным была напечатана «IV глава из исторического романа», затем в «Литературной Газете» 1830 г., № 13—глава «Ассамблея при Петре I-м». В издании «Повестей» 1834 г. обе главы появились

с заглавием «Две главы* из исторического романа» («Ассамблея при Петре Первом» и «Обед у русского боярина»).

Новые редакторы правильно печатают повесть по автографу и по изданиям повестей, сверенному с первыми изданиями отрывков (как например, «арап» отрывков назывался Ганибалом и обозначался буквой Г., но однотомики выправляет всюду его имя на «Ибрагим»). Но ряд деталей остается для читателя неясным и может вызвать возражения. Так например, главу «Ассамблея» сам Пушкин всюду печатал со сноской: «с м. Голикова и Русскую Старину». Нам представляется, что сноска эта в соответственном месте должна быть сохранена³¹. Обе главы, печатавшиеся при жизни Пушкина, давались им без эпиграфов, и, если печатать их с эпиграфами, то последние необходимо давать в редакторских скобках; в главе «Ассамблея» следует печатать по изданию 1834 г. «Петр играл в шашки с одним широкоплечим Английским шхипером». Подчеркнутое слово пропущено³²; наоборот—вставлена отсутствующая в издании 1834 г. фраза: «Корсаков не мог опомниться». Точно так же в конце этой главы (III) в издании 1834 г.: «отвез домой», в издании Гиза—«повез домой»³³. Неясно, почему в IV главе после слов «расшаркался! разболтался!» сделана вставка, которой нет в тексте 1834 г. («что и боже упаси!..»), и после слов «слуги разбежались»—вставка: «как одурелые, гости перетрусались». Рядом с исправленными опечатками издания 1834 г. (например «разъезжались» вм. «разъехались») досадна опечатка «перервала дура Екимовна» (следует: «первала»).

Первые введено целиком (частично по автографу из собрания А. Ф. Онегина) и начало главы VII «Арапа» с поправками в композиции фраз и отдельных слов сравнительно с текстом «Неизданного Пушкина».

По рукописи выверен в однотомики и прозаический текст «Египетских ночей», опять-таки искусственно препарированный, очищенный от вариантов и колебаний рукописи, «читабельный» текст. Несмотря на его бесспорную ценность, ибо он устанавливает хронологически единый, целостный замысел, отсутствие в издании отдела вариантов и комментариев опять-таки внушает читателю ложную мысль о том, что подобный текст мыслился как «дефинитивный» самим автором. Никакого намека на сложную, так окончательно и незаконченную работу Пушкина над прозаическими фрагментами «Египетских ночей» читателю не дано. Желая, не говорим уже—работать, но даже просто понять замысел Пушкина во всем его охвате, читатель вынужден все-таки вновь обращаться к неточному по тексту, но дающему интереснейшие слои вариантной работы Пушкина старому изданию под редакцией П. О. Морозова.

Здесь будет уместно поэтому упомянуть, что вполне естественной реакцией на эту крайность—жестко проводимого единого принципа гизовского издания—явилась книжечка П. Новицкого «Египетские ночи Пушкина» («Academia». Л., 1927). Она лишена какой бы то ни было научной ценности, она и не претендует на нее («Цель настоящего издания... дать не канонический, признанный, чистовой текст произведения, но дать текст для чтения... «То что недопустимо для научного издания текстов, то позволительно для издания, предназначенного к произнесению»). Новицкий адресуется к массовому слушателю, ориентируется на чтение с эстрады. В результате он дает эклектическую окрошку из текстов П. О. Морозова и Б. Томашевского с К. Халабаевым (выделяя, правда, вставки курсивом). Книжка может безнадежно запутать вопрос о тексте³⁴. (Стихотворные вставки уже совсем беспринципно даются «на выбор» и по Томашевскому, и по Гофману.) Но при всем том здоровое ядро работы Новицкого—законное желание не только исследователя, но и каждого из читателей Пушкина знать весь круг материалов, оставшихся от пушкинских работ, связанных с «Египетскими ночами». Зачеркнутые Пушкиным пассажи (этим самым отмененные раз навсегда в «каноническом» тексте) ведь исключительно интересны: они говорят о «зависти и клевете» среди стихотворцев, дают замечательную автобиографически звучащую классификацию «братья-литераторов» и т. п. Почти во всех вычеркнутых в рукописи местах звучит личный голос Пушкина. В праве ли редактор, опираясь на формальный момент (зачеркнуто!), не входя в анализ зачеркнутого, а б с о л ю т н о и г н о р и р о в а т ь подобные места, которые даже нельзя назвать вариантами, так как они просто отброшены, не заменяясь ничем. За наивно-неудачной работой Новицкого стоит крупнейший текстологический вопрос: как поступать даже в издании, рассчитанном на широкого массового читателя, с подачей черновых текстов такого писателя как Пушкин?³⁵ Если на том этапе работы над Пушкиным, когда делал свою исключительно огромную работу Б. В. Томашевский, его решение было правильным, то этого нельзя уже сказать сегодня.

Крупнейшим текстовым приобретением по пушкинской художественной прозе являются впервые опубликованные Н. В. Измайловым и до того совершенно необследованные семь планов так называемого «Романа на Кавказских водах»³⁶ из бывшего Майковского собрания Академии Наук. Эти планы, тяготеющие к 1831 г., правильно связываются обширным и тщательным комментарием Измайлова с известным наброском «в одно из первых чисел апреля» и представляют собою фиксацию нескольких моментов «современного» Пушкину светского, бреттерского романа на фоне «жизни на водах». Психологический и бытовой охват и герой, условно обозначенный именем декабриста Якубовича, приоткрывают особый круг прозаических замыслов Пушкина.

Новый пересмотр прозаических текстов Пушкина и подытоживание работы над ними были предприняты в связи с собранием сочинений Пушкина «Красной нивы»³⁷ и ГИХЛа (том IV)³⁸. Здесь заметна новая, здоровая тенденция редактуры (впрочем не у всех редакторов достигнуто единообразие в этом отношении): рядом с каноническим текстом для чтения читателя путем редакционных вставок, приложений и примечаний в «лабораторию» самих пушкинских рукописей. Характерно, что на сравнительно незначительном хронологическом промежутке, отделяющем одно издание от другого, этот принцип также дает себя знать все решительнее—во втором из изданий отдел приложений еще раз заново пополнен.

В основном текст «Красной нивы» может считаться для обоих этих изданий единым, общим, текст ГИХЛа местами уточненным, улучшенным. В «Арапе Петра Великого» допущены лишь незначительные неточности. Кажется не лишне будет раз навсегда указать их. Печатается: «и красных кофточках» вместо «и в красных кофточках», пропущены, как и в прошлых изданиях, слова: «А н г л и й с к и м шхипером»; дано «повез» вм. «отвез»³⁹, но исправлены слова: «из круга», «прервала». В отрывке главы VII исправлен ряд слов («тотчас», «сдарофо»). В остальном текст «Арапа Петра Великого» не отличается от гизовского однотомника.

В отличие от последнего в предисловии к «Повестям Белкина» письмо Белкина печатается курсивом. Следовало бы, согласно тексту 1834 г., печатать в се предисловие «От издателя» особым (но не курсивным) шрифтом. В этом же предисловии оба новых издания канонизируют опечатку в имени отчестве Трофилиной («Александровне» вм. «Алексеевне»). В приложениях следовало бы указать различия в прижизненных изданиях Пушкина, так же как это сделано (правда, под текстом) для «Руслана и Людмила» новых изданий. Не лишено интереса например, что в тексте «Выстрела» (в начале главки второй) в первом издании у Пушкина было следующее место: «Наконец решился я ложиться спать как можно ранее, а обедать как можно позже; таким образом укротил я вечер и прибавил долготы дней, и обретох, яко се добро есть»⁴⁰. Во втором издании это место оказалось выброшенным. Выброшено оно и позднейшими редакторами: Венгеровым, Томашевским, Оксманом. Мне представляется, что в данном случае прав был П. О. Морозов, восстановивший данный пассаж в тексте «Выстрела». Дело в том, что Пушкин вычеркнул это место во втором издании (1834 г.) едва ли не из цензурных опасений (а может быть оно было вычеркнуто цензурой и помимо Пушкина): украшение вечера и прибавление «долготы дней» со стороны концовкой звучали явно пародически на библию. Такого рода варианты могут быть предложены на усмотрение читателя теперь же, без откладывания до «академического» издания, где они к тому же рискуют затеряться в ученом аппарате комментариев. Между тем ни один редактор не пробует сделать этого, хотя дать почти единственный вариант не представлялось ни в каком отношении затруднительным.

Значительно улучшенный сравнительно со старым текстом Венгерова—текст так называемого «Рославлева» дал Ю. Г. Оксман⁴¹. Им дан ряд существенных поправок и уточнений. Отметим некоторые: у Венгерова: «слыша суждения почти нелепые и новости неосновательные, она томилась впадала в глубокое уныние». У Оксмана: «слыша постоянно суждения нелепые и новости неосновательные, она впадала в глубокое уныние; томление овладело ее душой». Вместо «шутливый слог» разобрано «шутливый слог»; вм. «с поля сражения»—«с полей сражений»; вм. «гуляла я»—«я гуляла»; вм. «влюблена в брата моего»—«в брата». Вместо старого чтения «Ранений рыцарь» прочтено «В плену у неприятеля ранений рыцарь»; вм. «сквозь разоренную, опустевшую дорогу, с войском расстроенным и недовольным»—«сквозь разоренную, опустелую сторону, с войском расстроенным и недовольным при приближении зимы» и др. Неясно однако, почему в первом отрывке редактор возвращается к старому чтению фразы «об нашей

светской черни мнение», игнорируя чтение, данное Томашевским: «об э т о й светской м е л о ч и мнение». В приложениях, согласно типу издания, следовало дать план «Рославлева» по пушкинской тетради № 2382, чего редактор не сделал.

С несколькими мелкими небрежностями перепечатан в одном издании П. Е. Щеголева, а в другом без изменения Ю. Г. Оксманом текст «Пиковой дамы» (в гл. IV трижды следует по обоим прижизненным текстам: «Елисавета» и «Лизавета»⁴²; в главе I ошибочно напечатано «заглянул» вм. «взглянул»). Ошибочной следует признать и категорическую датировку «Пиковой дамы» 1834 годом. Быть может следует обратить особое внимание на то обстоятельство, что редакторы, безукоризненные в работе над сло ж н ы м и текстами, часто не уделяют достаточного внимания «легким» текстам, не представляющим почти никаких затруднений, например перепечатываемым с печатного текста. Легко привести и примеры того, как при печатании с черновых рукописей мелкие ошибки вкрадываются иногда именно в наиболее р а з б о р ч и в ы х местах.

Особое новшество в обоих новых изданиях не представляет прозаический текст «Египетских ночей» (кажется единственным отличием от текста однотомника является предложенное чтение слова «человек» вм. «дипломат»). Зато исключительно интересная текстологическая работа, четко уясняющая слои пушкинских редакций «Египетских ночей», проделана С. М. Бонди в большой статье «К истории создания «Египетских ночей»⁴³. Именно в основном бесспорные положения этой прекрасной работы, сделанной по рукописям, легли и в основу композиции и понимания частей «Египетских ночей» в новых изданиях. Так, между прочим в разрез с традицией, отрывки «Цезарь путешествовал» даются теперь независимо, как автономный замысел.

Большое количество уточнений и принципиально новая установка на незаконченный, черновой текст даны в обоих вариантах шеститомника для вновь выверенного по рукописи «Дубровского». Системно редакторских скобок подчеркнуты варианты, которые, как можно подозревать, отброшены Пушкиным по цензурным соображениям. Заново прочитан ряд выражений и слов. Как и всюду, считаю необходимым дать список важнейших нововведений текста, подчеркивая, что уяснение их смысла может быть достигнуто вполне только проверкой их важности самим читателем в контексте пушкинского произведения. Приведу пример. Само по себе на первый взгляд указание на то, что новое издание читает, скажем, «ребята вязать» вместо старого чтения «ребята враз», может казаться неважным. Иное дело в контексте: оказывается, что крестьяне предлагают друг другу в я з а т ь чиновников. Многие становятся важным как диалектизм, подчеркнутый Пушкиным в устах героя. Так в письме няни к Дубровскому—«друга неделя» вместо «другая неделя»; «дскасть» вм. «дескаты». Указываю далее двумя цифрами страницы по изданию «Красной нивы» и ГИХЛа, чтобы дать возможность читателю самому обратиться к контексту: «шкурку» вм. «шкуру» (334/457); «апелляция» вм. «апелляция» (336/459); «пир» вместо «пирог» (338/462), считавшееся неразборчивым слово прочитано «нищ» (338/462); «ляять на владыку» вм. «сметь на владыку» (338/462); «представлялось» вм. «представлявшего» (338/462); «обыкновенное» вм. «верное обыкновенно» (339/463); заново прочтены реплики крестьян в сцене столкновения их с приказными: «долой их» вм. «бей их» (340/465); «ребята, вязать» вм. «враз» (340/465); в главе VI: «я хотел... я пришел... было» (341/467) вм. «я хотел было». В прежних изданиях пропускалась фраза «и назначил место свидания—Кистеневскую рошу» (343/469); на стр. 344/470 впервые вставлено «сгорел с з е м с к и м судом»; в абзаце «Поднялся ветер» (342/469) исправлен порядок фраз и вм. слова «приказных» дано по рукописи чтение «горим»; на стр. 361/495 вм. «громко» исправлено «грозно» и вм. «было 11» исправлено «Било 11». Следует отметить, что непрочтенным остается, как и в прежних изданиях, одно слово в беломом тексте (стр. 357/489). Заново дана композиция отдельных фраз. Таково место—отъезд Дубровского в деревню (333/455)⁴⁴ или начало главы XI⁴⁵ (стр. 341/466); в той же главе впервые восстановлена фраза: «и назначил место свидания—Кистеневскую рошу» (343—469); обычное старое чтение в гл. XI «прервал он француза» исправлено по рукописи: «прервал он, обращаясь к французу» (356/487); перестановка фраз, согласно рукописи, дана в начале главы XIII (362/496) и в главе XVII. В XVI главе прочтено вм. «уготованным» «уготовленным», в XVII главе—вм. «обратилась» «обрадовалась» (396/505); там же вставлены после слова «зацепился» слова «за его» и нарушающее смысл слово «шагом» исправлено на «мигом» (372/510). В XVIII главе слово «льстивые» исправлено на «веселые» (373/511), слово «полилась»—на «показалась» (373/511). В последней главе исправлена бессмыслица прежних изданий: «Дубровский... оставил своих» на «Дубровский... остановил своих» (376/514)⁴⁶ и исправлен порядок смежных фраз.

Незавершенный характер «Дубровского» подчеркнут помимо конъектурных скобок в тексте также в важном для понимания повести отделе приложений. Здесь даны и пояснения, и «планы» повести (в плане № VII на стр. 577/789 введена существенная поправка: «рана» вместо прежнего чтения «гапс»). Не воспроизведена только (как это удачно было сделано в отдельном издании «Дубровского» 1923 г. пушкинская датировка глав) ⁴⁷.

Особо должен быть отмечен здесь в п е р в ы е и з в л е ч е н н ы й из рукописи вариант XII главы (сцена порки маленького крепостного «спартанца»), впоследствии отброшенный Пушкиным ⁴⁸. Текст «Капитанской дочки» в обоих новых изданиях собрания сочинений Пушкина заново выверен по «Современнику» ⁴⁹ и рукописи. Особый интерес представляют данные по автографу в «приложениях» ранний проект предисловия и так называемая «Пропущенная глава». В последней в сравнении с текстом Томашевского-Халабаева внесен ряд изменений в сцену с пловучей виселицей. Редактор (Ю. Г. Оксман) возвращается вновь к фразам, некогда печатавшимся Венгеровым: «Я погрузился в мечты воображения (спокойствие природы и ужасы политические), любовь etc.—Прошло около получаса» ⁵⁰.

Как кажется, введение этих фраз следует признать ошибочным—слова в скобках скорей представляют собою неосуществленную программу соответствующего места, которая еще должна была быть развитой ⁵¹. Зато крайне ценно условное восстановление одного словечка, впервые увидевшего здесь свет, хотя оно и зачеркнуто самим Пушкиным—это словечко «заводский» и служило оно определением к одному из повешенных.

«Один из них был старый чуваш, другой [заводский] русский крестьянин, сильный и здоровый малый лет 20-ти» (стр. 578/791).

Благодаря этому на первый взгляд неважному, мелочному восстановлению вскрывается, что Пушкин не только правильно осознавал ведущие слагаемые «Пугачевщины», но и хотел первоначально дать их в едином символе: на виселице повешены трое—инородец, рабочий и сбежавший крепостной крестьянин ⁵².

Прекрасный пример важности работы над вариантами прозы!

Новая расстановка фраз дана также в сцене встречи Гринева с родными; ряд уточнений сделан во всем тексте данной главы: «встретился» вм. «встречался»; «статный молодой мужик» вм. «молодой мужик»; «закричав» вм. «и закричал» и др. Вместо старого чтения: «Толпа тотчас окружила нас и потащила к воротам» дано новое: «Тотчас толпа злодеев окружила нас и с криком потащила к воротам» (582/894).

«Путешествие в Арзрум» впервые после 1910 г. переиздано в новых собраниях сочинений Пушкина под редакцией Ю. Н. Тынянова с целым рядом уточнений текста. В издании «Красной нивы» на стр. 543 текст досадно попорчен линотипическим печатанием, чем лишний раз доказывается необходимость, при издании классиков этим способом, обеспечивать редактору неоднократные корректуры. На стр. 550 опечатка «Ермолаевым» вм. «Ермоловым». Текст обновлен: вместо старого чтения «нашел Гр. Вл. Пушкина, также едущего»—«нашел я графа П., ехавшего также» (543/742); вм. «за девять лет»—«девять лет»; вм. «нашел я»—«нашел» (544/743); вм. «красноватые»—«красные» (544/743); вм. «татары»—«татаре» (545/744); вм. «есть, наконец, средство»—«есть средство» (546/745); вм. «пузатый»—«пузастый» (549/749); вм. «Фазиль-хану»—«Фазил-хану»; «Тбилис-калар» вм. «Тбилискалар» (554/756); «колодезь» вм. «колодцах» (554/757). Вместо «и наш голос»—«ведь и наш голос» (557/760); вм. «восемь»—«осемь»; вм. «войско двинулось»—«войско двинулось вперед» (561/766); вм. «Переехав через гору и опустясь»—«Переехав невысокую гору и спустясь» (557/760); вм. «высматривая добычу»—«высматривая себе добычу» (562/767); вм. «шампанским застывшим в стенах таврийских» (Венгеров)—«шампанским, застывшим в с н е г а х Таврийских» (562/767) ⁵³; вм. «волов»—«волах» (566/773); вм. «Мург»—«Мургул» (речка, 567/774); вм. «рождения» ⁵⁴—«имянин» (567/774); вм. «переставая»—«преставая» (567/774); вм. «цитаделью, м и н а р е т а м и, с зелеными кровлями» (568/775); вм. «удивлением»—«изумлением»; вм. «пошел»—«прошел» (568/776); вм. «отроков»—«бесчестных отроков» (571/780). На стр. 571/780 вставлены пропускаемые в старых изданиях слова: «Его скопили»; на стр. 568/775 опущено слово «мь»; на стр. 571/780 исправлено «в дом»—на «к дому»; на стр. 572/781 «непоколебим»—на «неколебим»; на той же странице выброшено слово «розою» как эпитет к слову «повелительницею»; вм. «ударили»—«кто-то ударил» (573/782); на той же странице восстановлено слово «печальное»; на стр. 574/783 исправлено: «возобновлялась» вм. «возобновилась»; «сдвинуты были с места» вм. «сдвинуты с места» и др.

Совершенно перепланировано в 1-й главе место о черкесах, с отнесением его в «приложения» и с восстановлением ряда интереснейших мест, осмысляющих текст по-новому («Лицемеры! Так ли исполняете долг христианства? Христиане ли вы? С сокрушением и раскаянием должны вы потупить голову и безмолвствовать») (590/806). Впервые восстановлено в конце 2-й главы следующее место:

«Он явился вместе с офицером, который потребовал от меня письменного предписания. Судя по азиатским чертам его лица, не почел я за нужное рыться в моих бумагах и вынул из кармана первый попавшийся мне листок. Офицер важно его рассмотрел, тотчас велел привести его благородию лошадь по предписанию и возвратил мне мою бумагу: это было послание к калмычке, намаранное мною на одной из кавказских станций» (560/764).

Особо даны в «приложениях» варианты к «Путешествию». Под предисловием следовало бы дать в редакторских скобках его дату⁵⁵, а в главе 1-й восстановить два стиха:

Кобылиц неукротимых
Гордо бродят табуны...

Эти два стиха из «Петра великого в Острогожске» — думы К. Ф. Рылеева — несомненно были изъяты из «Путешествия в Арзрум»⁵⁶, несмотря на их невинность, только потому, что самое воспоминание о декабристе-поэте было запретным.

Незаконченные пушкинские отрывки представляют также много нового в обоих вариантах Полного собрания сочинений.

Экспозиция ранней повести, известная под заглавием «Надинька», дается в отделе «Отрывков»⁵⁷ по-новому, с тщательной выверкой по рукописи. Отрывок «Гости съезжались на дачу» разбит впервые на три самостоятельные фрагмента с новой датировкой и распределением эпиграфов и новою композицией по рукописи⁵⁸. Можно только заметить, что план повести правильнее было бы отнести в отдел планов. Уточнен по рукописям и текст «Романа в письмах». Введены впервые фразы: «Уединение мне нравится и а самом деле как в элегиях твоего Ламартина» (495/681); «demoiselles de compagnie» (496/681); «Возвратись мой ангел!»; «любезному нашему говоруну» (там же); «каждый том заключал в себе 2 части» (497/683); «принялась за критики Вестника, но их плоскость и лакейство показали мне отвратительны» (499/688); «Уж не сделалась ли ты уездной героиней!» (501/688); «Назначение помещика, по-моему самое завидное. То ли дело Un homme sans peur [нрзб.] Qui n'est vi [нрзб.] Конечно дворянство» (503/691).

Впервые восстановлены слова: «котильон» (498/684), «семинарист» (499/686), «рассеян» (500/687); «Форнариной» (501/686). Ряд слов прочитан заново: вм. «вливания» — «мнения» (497/683); вм. «g a r n i t u r e s» — «гирлянды» (497/683); вм. «мешанка» — «демократка» (498/684); вм. «Z близкий родня Маше» прочтено: «** [ей] близкий родня. Маша...» (498/685); вм. «статна и стройна» — «(свежа) и стройна» (500/687); вм. «не ясно ль» — «не явно ль» (501/688); вм. «это» — «право» (501/688) и др.

Однако текст, даваемый Оксманом, может быть пополнен и уточнен по рукописи и еще в ряде мест. Так в первом письме, нам кажется, следует читать «не выдалась» вм. «не выделась»; «Село Павловское» — вм. «С. Павловское»; во втором письме: «когда узнала я» вм. «когда узнала»; «поверить» вм. «верить»; «скромничаешь» вм. «скрытничает»; в письме № 3 «заметным» вм. «заметно»; фраза «скудно мочи нет» должна быть отнесена ниже.

Еще более ценна работа Оксмана над текстом отрывка повести, когда-то печатавшегося И. А. Шляпкиным под заглавием «Станция» и П. О. Морозовым в примечаниях к «Станционному зрителю». Тщательный и вдумчивый анализ текста позволил новому редактору переосмыслить пушкинский замысел как начало повести «О прапорщике черниговского (впоследствии известного по декабрьскому восстанию) полка»⁵⁹ и дать ряд уточнений. Следует впрочем считать, что работа над данным текстом еще не может считаться законченной. (Так например, в рукописи первые фразы: «4 мая 1825 г. произведен я в офицеры»... зачеркнуты и планировка кусков текста может быть разрешена и иначе, в соответствии с иным учетом пушкинской нумерации в автографе.) Отрывок «Цезарь путешествовал» также заново выверен Ю. Г. Оксманом по рукописи. Впервые прочтен ряд слов и выражений («не торопясь», «и нанять», «он изведаль все наслаждения», «о сподвижнике Кассия и Брута»), дана новая расстановка фраз. В отрывках на стр. 526/724 следовало бы однако печатать по рукописи: «Вивлиофику» вм. «Библиотеку»; «вошли» вм. «вышли»; «нас» вместо «всех»; «наполнила мою (душу)» вм. «наполняла мою душу»; «я любил» вм. «и любил». наброски плана следовало отнести в приложения.

С. М. Бонди дает в издании несколько новое распределение планов «Романа на Кавказских водах». Один из планов (издание ГИХЛа, стр. 706, № 2) печатается в п е р в ы е. Ряд уточнений дан ко второму варианту (стр. 705), например «на другой день банка» (последнее слово раньше читалось неправильно—«больные»). Впервые печатается отрывок «В начале 1812 г. полк наш стоял»⁶⁰, напоминающий план «Криспин приезжает в губернию». В последнем плане Ю. Г. Оксманом предложено впервые удачное чтение считавшегося неразборчивым слова («Ambassadeur»). Им же впервые публикуется в отделе «планов» отрывок из «Романа из великосветского быта» (535/735) и дается сводный текст отрывков «Гости съезжались на дачу» и исправленный «Русского Пелама»⁶¹ (в последнем в ряду мелких уточнений бросается в глаза исправление последней строки—вместо «с головной болью и с к н и г о ю, отправился в дорогу» впервые восстановлен пушкинский текст: «с головной болью и с и з ж о г о ю отправился в дорогу» (711). План «Les deux danseuses» вопреки указанию на стр. 312 издания ГИХЛа не вовсе неизвестен—он публиковался уже в «Огоньке» (вместе с факсимиле).

Отдел приложений (в особенности в издании ГИХЛа), как уже указывалось, значительно помогает уяснению генезиса пушкинской прозы, идя навстречу желанию читателя разобраться в вариантах, планах, важнейших черновиках. Достаточно указать хотя бы на то, что советское издание впервые дало в одном месте все «планы» к «Капитанской дочке», затерянные до того в разных мало известных изданиях.

В общем проза красонивского и гихловского изданий (как и вообще эти издания в целом) в известном смысле являются смотром того, что было сделано за годы революции в области пушкинских текстов. Неточностей еще очень много. Мы намеренно педантически останавливались на многих из них, чтобы ясней обрисовалась вся картина работ над прозаическими текстами. Несомненно каждое новое обращение имеющего большой опыт коллектива специалистов к пушкинским рукописям будет всякий раз давать новые плодотворные результаты: уточнение слов и выражений, прояснение фразовой композиции, прочтение того, что прежде считалось неразборчивым, т. е. за всеми этими кропотливыми мелочами—реконструкция подлинного текста и стиля, понимание ходов подлинной мысли Пушкина.

Но уже и сейчас можно со всей определенностью утверждать, что за революционное шестнадцатилетие работа над прозой Пушкина проделана громадная, что проза Пушкина, какую она является в последних собраниях сочинений, и количественно, и качественно—совсем иная проза, чем та, что была известна дореволюционному читателю. Творческое соревнование коллектива редакторов, работающих над рукописями Пушкина, а не конкуренция отдельных пушкиноведов—таков должен быть принцип новой текстологии, принцип организации очередных изданий.

Если «читаемые» тексты в свое время мощно подвинули пушкинскую текстологию и были единственно правильным путем, сейчас можно уже говорить о потребности параллельных массовых изданий с каким-то минимумом комментаторского аппарата, с критическим введением в самую лабораторию писателя (в особенности это относится к незаконченным произведениям), с умелым показом важнейших вариантов, тем более, что художественная проза Пушкина до сих пор еще ни разу за все столетие не была издана академически-научно. Рядом с массовыми изданиями на очереди стоит и вопрос об академическом издании пушкинской прозы, в помощь которому должно быть развернуто уже начатое большое научное издание факсимиле пушкинских рукописей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Русская Старина» 1884, т. XLIII, стр. 45, «Рукописи А. С. Пушкина, хранящиеся в Румянцевском Музее в Москве».

² Сочинения Пушкина, т. VIII, 1905, стр. 531.

³ Плеханов, Г. В. Сочинения, т. 12, 1925, стр. 289.

⁴ Брюсов, В., Мой Пушкин. Статьи, исследования, наблюдения. Редакция Н. К. Пиксанова. Гиз, 1929, стр. 95.

⁵ Ср. статью А. Борского в «Книге и революции» 1923, № 1, стр. 11—14; впрочем прозе и здесь почти не уделено места.

⁶ Напр.: «лошадь обр од и л а с ь» вм. «ободрилась»; «р а з в е н е т» вм. «р а с в е н е т»; «б о я л а с ь» вм. «боялись» («Мятедь»).

⁷ Следует: «понтёр» вместо «понтёр»; «соделалась» вм. «сделалась». Невыдержано единство орфографии («гусарской», «толстой»; «на удачу» вм. «наудачу») при «навеселе» и т. д.

• 8 Изд. 1923 г., 3 000 экз.

9 В целях возможности научного контроля и здесь, как и в «Народной библиотеке», всегда указано, по каким автографам или изданиям печатается текст.

10 Томашевский, Б., Судьба Дубровского.—«Книга и революция» 1923, №№ 11—12.

11 «Поместие» вм. старого «поместье»; «через» вм. «чрез»; «колодезями» вм. «колодцами»; «извольте» вм. «изволишь»; «ракета» вм. «ракеты»; «ойди в избу» вм. «войди жв избу»; «ломти» вм. «ломоть»; «стряхнул» вм. «отряхнул»; «ко груди» вм. «к груди»; «между ими» вм. «между ними»; «губерниях» вм. в «губернии».

12 Образцовое издание такого рода дано теми же редакторами для «Каменного гостя».

13 Это «правило» подчеркнуто двумя исключениями (на стр. 36 и 75), где указывается: «В автографе одно неразборчивое слово». Этим невольно читателю подсказывается ложная мысль, что все прочее в рукописи вполне разборчиво.

14 Факсимильное воспроизведение (весьма неразборчивое) имеется в книжечке И. С. Зильберштейна «Из бумаг Пушкина».—«Библиотека «Огонька». М., 1926, стр. 46, 48.

15 Вряд ли однако надо было вводить в текст повести последнюю фразу «дела»: «Какое решение подписями все присутствующие того суда». Подчеркнутое нами слово не могло быть читанным секретарем суда, как это мыслится в тексте повести. Кроме того по перед этой фразой в рукописи стоит значок, показывающий, что Пушкин предполагал кончить цитацию до этой фразы. (Правильно у С. А. Венгерова, т. IV, стр. 294.)

16 Пушкин, А. С., Дубровский. Рис. К. П. Лебедева.—«Крестьянская газета» 1928, 25 000 экз.

17 Пушкин, А. С., Капитанская дочка. Дубровский. ГИХЛ, 1931.

18 В предисловии—ряд неточностей («писал Пушкин [Дубровского] чрезвычайно быстро, сразу начисто (?), не останавливаясь подолгу на отдельных мелочах и подробностях» (??)).

19 Пушкин, А. С., Дубровский. Обложка Н. Фан-дер-Флит, рисунки Б. М. Кустодиева. Гиз. М.-Л., 1931, 20 000 экз.

20 Пушкин, А. С., Станционный смотритель. Гиз (Главлит № 92463. Гиз № 19200). Типография Госиздата «Красный пролетарий». Москва, Пименовская, 16. Цена 4 коп.

21 Пушкин, А. С., Избранные сочинения.—Жизнь Пушкина.—Творчество Пушкина.—«Медный всадник».—«Капитанская дочка». «Прибой». Л., 1925 (вступительные очерки П. Брандта и Г. Горбачева).

22 Ср. более точный текст в книжке Б. Томашевского «Пушкин».—«Образование», 1925, стр. 129. Не очень удачный снимок с начала главы дан в сборнике «Работа классиков над прозой», 1929, стр. 20 и в III томе шеститомного Пушкина. ГИХЛ, 1931, стр. 43. Ср. также «Вестник литературы» 1922, №№ 2—3.

23 К сожалению до сих пор не поддается расшифровке иностранная запись под датой: «b. e. Ъ Schw.» (комментатор ошибочно счел буквы русскими). В IV томе шеститомного Пушкина, ГИХЛ, 1932, стр. 790 подпись вовсе опущена.

24 Некоторые уточнения см. в нашей статье в № 4 «Литературной учебы» за 1930 г., стр. 47—48.

25 Изд. «Атеней», кн. I—II, 1924, стр. 166—168. «Может ли быть раскрыт Пушкинский план «Влюбленного беса?»

26 «Пушкин и его современники», вып. 31/32, 1927, стр. 19—24.

27 Между тем он почему-то печатается в шеститомнике именно в отделе прозы (т. IV, стр. 735).

28 Пушкин, А. Сочинения. Гиз. Л., 1924. Редакция Б. Томашевского и К. Халабаева, стр. XX+508, 10 000 экз.

29 Мотивация этой новой и неоспоримой планировки дана в книге Б. Томашевского «Пушкин. Современные проблемы историко-литературного изучения». Л., 1933, стр. 30—34. Однородный с текстом однотомника текст дан в издании «Дешевой библиотеки классиков» в двух книгах: 1) «Повести Белкина». «История села Горюхина». Гиз, 1928; 2) «Арап Петра Великого». «Египетские ночи». «Отрывок». «Кирджали». Гиз, 1928.

30 Это не исключает однако возможности дальнейшей работы над уточнением текста. Так П. Е. Щеголевым было высказано мнение, что «Вряд ли можно считать

(и после работ Б. В. Томашевского) установленным текст «Истории села Горюхина» («Пушкин и мужики», стр. 79).

³¹ Нет ее и в IV томе шеститомника ГИХЛ'а 1932 г.

³² Оно имеется в отдельном издании 1928 г., но отсутствует в одготомнике 1930 г. Исправлено Ю. Г. Оксманом в издании шеститомного Пушкина, ГИХЛ, 1932, т. IV, стр. 328.

³³ Не исправлено и в издании шеститомника 1932 г.

³⁴ Ср. иную оценку в рецензии Н. К. Пиксанова («Печать и революция» 1927, кн. III, стр. 181).

³⁵ Вопросы пушкинской текстологии и ее методики широко, хотя во многом спорно поставлены в книжке Г. О. Винокура «Критика поэтического текста», ГАХН, М., 1927, но к сожалению без привлечения материала пушкинской прозы.

³⁶ «Пушкин и его современники», вып. 37, 1928, стр. 68—99; при стр. 74 факсимиле одного из планов. Другой план воспроизведен (мало удачно) в сборнике «Работа классиков над прозой», 1929, стр. 18.

³⁷ Пушкин, А. С., т. IV, кн. 8 и 9. «Евгений Онегин», «Повести». Редакция С. М. Бонди, Ю. Г. Оксмана, Б. В. Томашевского, Ю. Н. Тынянова, Д. П. Якубовича. Гиз, 1930.

³⁸ Пушкин, А. С., т. IV, «Евгений Онегин», ред. Б. В. Томашевского; «Повести», ред. Ю. Г. Оксмана; «Путешествие в Арзрум», ред. Ю. Н. Тынянова. ГИХЛ. М.-Л., 1932.

³⁹ Исправлено в издании ГИХЛ'а 1932 г.

⁴⁰ «Повести покойного И. П. Белкина, изданные А. П.», СПб., 1831, стр. 22.

⁴¹ В изданиях под редакцией Б. В. Томашевского (одготомнике и отдельном) непоследовательно напечатан только отрывок, печатавшийся самим Пушкиным в «Современнике» (все оставшееся в рукописях вовсе не печатается), чем разрушена вся вещь в целом. Текст одготомника дает также чтение: «M-de de Stael», в отдельном издании «Дешевой библиотеки классиков» всюду исправлено: «M-me de Stael».

⁴² Текст «Пиковой дамы» правильно перепечатан в издании Голике и Вильборг, П., 1917 с иллюстрациями А. Н. Бенуа и вступительной статьей Н. О. Лернера.

⁴³ Бонди, С. М., Новые страницы Пушкина. М., «Мир», 1931, стр. 148—205.

⁴⁴ Представление о трудности выделения вариантов «Дубровского» может дать старый снимок этого места в венгерском издании (т. IV, стр. 295).

⁴⁵ Венгеров пробовал в свое время разобраться в этом месте, но дал явно плохой текст: «мой отец... будет принадлежать ненавистному человеку» (?) и дважды напечатал фразу: «Владимир стиснул зубы» (т. IV, стр. 301).

⁴⁶ Это исправление впервые сделано было Б. В. Томашевским в отдельном издании «Дубровского» 1923 г., но снова в неверном виде попало в текст одготомника.

⁴⁷ Некоторые даты указаны лишь в составе комментария к краснонивовскому изданию (VI том, «Путеводитель по Пушкину», стр. 132).

⁴⁸ Несколько иначе, в виду колебаний в рукописи, он воспроизведен в IV томе издания ГИХЛ'а, стр. 786.

⁴⁹ Не следует ли печатать на стр. 447/613 в характеристике Пугачева: «человек в красном кафтане», как выше (446/611) и вопреки тексту «Современника»?

⁵⁰ Последних трех слов не было в тексте С. А. Венгерова.

⁵¹ Не зная рукописи данного места, не решаюсь утверждать, но кажется эти фразы должны были быть записаны Пушкиным выше основного текста. Если это так, то и место им в примечаниях.

⁵² Досадная опечатка краснонивовского издания «шайка» вм. «шейка» (584) исправлена в издании ГИХЛ'а (798).

⁵³ Также было и в тексте П. Е. Ефремова.

⁵⁴ Ошибка Пушкина.

⁵⁵ В издании «Красной нивы» вопросы датировки разъяснены в «Путеводителе по Пушкину» (заметка Ю. Н. Тынянова «Путешествие в Арзрум»).

⁵⁶ Факсимиле этих стихов см. в изд. «Исторического Вестника». — «Автографы рукописей А. С. Пушкина», 1899, стр. 32.

⁵⁷ Редакция Ю. Г. Оксмана и С. М. Бонди.

⁵⁸ Ср. комментарий к нему в VI томе краснонивовского издания, стр. 252.

⁵⁹ Текст с развернутым комментарием сначала был напечатан Ю. Г. Оксманом в «Звезде» 1930 г., № 7, стр. 217—222 с небольшими отличиями от текста в шеститомнике (т. IV, стр. 693—695).

⁶⁰ Комментирован С. М. Бонди в книге «Новые страницы Пушкина», стр. 104—108.

⁶¹ Уже во время печатания настоящего обзора М. А. Цявловским были опубликованы в «Трудах Публичной Библиотеки СССР им. Ленина», вып. III неизвестный до сих пор план «Капитанской дочки» и планы «Русского Пелама» с факсимиле.